

МОРЕ. ОТ ЛИБАВЫ ДО ХРИСТІАНІИ

Еще несколько дней простояли мы въ Либаве. 13 апреля у насъ былъ праздникъ: освящали пароходъ и торжественно подняли флагъ Невскаго Яхть-Клуба, къ которому былъ приписанъ «Андрей Первозванный».

Рано утромъ «Андрей Первозванный» вышелъ изъ Либавы въ Копенгагенъ. Я еще спалъ...

Проснулся я отъ протяжныхъ правильно повторяющихся гудковъ нашего парохода. Насъ слегка качало. Первое впечатленіе было такое, какъ на качели, съ тою разницей, что качало не въ одномъ направленіи, а какъ-то неправильно во все стороны. У борта, т.-е. у стенки каюты шумела и плескалась вода.

Вотъ и море, вотъ и качка, думалъ я; ну, какъ-то ты вынесешь ее?... Я храбро началъ одеваться. Хотя качало и не сильно, но голова кружилась, руки были какія то тяжелыя и безсильныя. Наскоро и безъ всякаго аппетита проглотилъ я стаканъ чаю и пошелъ на палубу.

Почти все уже встали и были на капитанскомъ мостике.

— Почему это все время даютъ гудки? — спросилъ я.

А разве вы не видите, что мы идемъ въ тумане? Какъ-же встречныя суда будутъ знать о приближеніи другъ друга, если будутъ идти безъ гудковъ?

— Какъ чувствуете себя? — улыбаясь, спрашиваетъ Николай Михайлович.

— Ничего! — храбрился я. — А это, какъ считается, сильная качка?

— Нет, очень слабая, но неприятная... Это мертвая зыбь. Ветра ведь нетъ, совершенно тихо, но въ море волна не улеглась, и насъ качаетъ неправильно, бросая во все стороны. Для новичковъ это самая неприятная качка.

А мне делалось все хуже и хуже. Вероятно, и по лицу моему было это заметно.

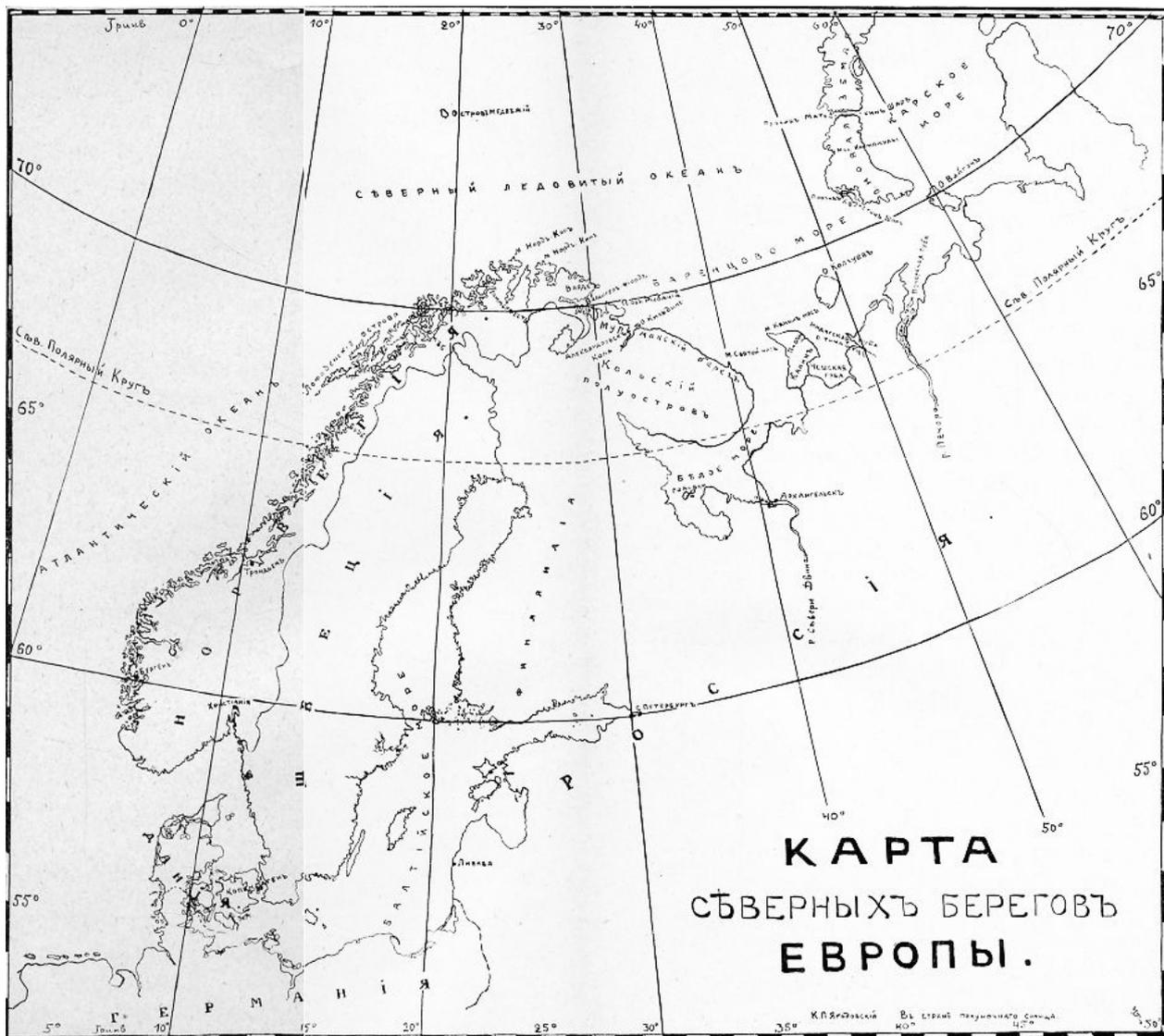
— Если вамъ нехорошо, — сказалъ Николай Михайловичъ — то лучше не удерживайте; это самое мучительное состояніе. Идите и посмотрите за бортъ...

И хоть мне было очень стыдно, но я последовалъ доброму совету... Мне сразу стало легче, но мысль, что я не приспособлюсь къ морю, беспокоила меня теперь все сильнее и сильнее. Но вотъ и мой сожитель по каюте, Несторъ Александровичъ что-то внимательно разсматриваетъ за бортомъ... Не я одинъ, значить, въ такомъ состояніи...

Скоро неприятное ощущеніе прекратилось, да и зыбь становилась все слабее и слабее. Но все же, когда Эрнстъ пришелъ звать обедать, я и Несторъ Александровичъ не пошли: мне даже мысль о пище была противна.

Мы стояли на мостике. Туманъ скрывалъ отъ насъ все, кроме небольшого пространства у парохода. Гудки продолжались... И вдругъ въ перерыве между гудками откуда-то издалека донесся къ намъ такой-же ноющій звукъ.

— Слышали? — спросилъ Васілий Николаевичъ. — Пароходъ идетъ!

А гудки все ближе и ближе... Какъ мы ни вглядывались, мы ничего не могли различить въ мутножелтой пелене тумана. Кажется, вотъ где-то здесь, совсемъ близко гудить пароходъ, и все-же ничего не видно. Но вотъ гудки стали доноситься все тише и тише...

Вскоре поднялся легкій ветерокъ, туманъ рассеялся, и впереди открылась земля. Мы подходили къ Копенгагену.

Чемъ ближе, темъ все чаще и чаще стали попадаться намъ суда, парусныя и паровыя. Качка совсемъ прекратилась,

и я безъ всякихъ непріятныхъ переживашй могъ любоваться новымъ для меня зрелищемъ.

Не успели мы войти въ обширную Копенгагенскую гавань, какъ къ намъ подошелъ таможенный катеръ. Мы думали, что начнутся какія-либо таможенныя формальности, но сильно ошиблись. Таможенный чиновникъ, взойдя на палубу, поздравилъ насъ съ прибытіемъ, передалъ Николаю Михайловичу почту и предложилъ желающимъ съехать на берегъ на его катере. Такая любезность и предупредительность насъ очень удивила.

Оказалось, что въ Копенгагене знали о нашей экспедиціи, и какъ только съ маяка сообщили о приближеніи «Андрея», такъ сейчасъ же изъ таможни выехали намъ навстречу.

Николай Михайловичъ, у котораго въ Копенгагене было много дель, сейчасъ-же отправился на берегъ, а мы решили ожидать, когда пристанемъ къ берегу.

Копенгагенъ — первый не русскій городъ, который мне пришлось видеть, и я сразу почувствовалъ въ немъ что-то новое. Трудно определить, изъ чего именно складывалось это ощущеніе. Все было иное. Много оживленія, много говора, и мало шума; мало экипажей, и много пешеходовъ; все идутъ, спешать, но нетъ той озабоченности и того напряженія, которое такъ заметно, напримеръ, въ Петербурге.

До поздняго вечера ходили мы по улицамъ и любовались городомъ.

Въ Копенгагене мы простояли еще несколько дней, такъ какъ намъ нужно было получить здесь целый рядъ приборовъ

для будущихъ работъ. За это время мы успели осмотреть зоологическій садъ и музей, музей знаменитаго скульптора Торвальдсена и многое другое. Въ свою очередь, «Андрей Первозванный» привлекъ вниманіе многихъ датскихъ ученыхъ, заинтересованныхъ научно-промысловыми изслѣдованіями; ихтиологи и натуралисты часто приходили къ намъ и съ интересомъ разсматривали наши орудія и приспособленія для работъ.

29 апреля «Андрей Первозванный» снялся съ якоря и пошелъ въ Христіанію.